

к 91
т 93

10005



МОСКВА 1935 КУЙБЫШЕВ

Краеведческая

ИСПАРТ КУЙБЫШЕВСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б)

К 9 ф
9 (47.88)
Т 93

1905 ГОД

(СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В БЫВШИХ
САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЯХ)

ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛА, ОБЩАЯ
РЕДАКЦИЯ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. А. КУЗНЕЦОВА

1303902

Куйбышевская областная
библиотека им. В. И. Ленина



КУЙБЫШЕВСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1935—КУЙБЫШЕВ

В. РЯБИКОВ
(«Младенец старший»)



ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СИМБИРСКЕ

(Воспоминания)

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Начало революционного движения в Симбирске, постепенно и беспрерывно нараставшего, я отношу к 1901—1902 годам.

К этому периоду некоторые товарищи относят и возникновение в симбирской гимназии кружка, в котором читалась социалистическая литература и заграничные газеты. Кружок занимался самообразованием, получая «Искру» и «Освобождение», но политической работы за пределами гимназии не вел.

Предполагаю, что в Симбирске, городе не промышленном, не университетском,—в городе по преимуществу помещиков, чиновников и мещан, никаких оформленных революционных организаций до 1901 года не было.

Симбирское шестиклассное городское училище, весьма демократическое по составу учащихся, в 1901 году окончило несколько оппозиционно настроенных юношей. Уже зимой, 1901 года в VI классе училища появилась группа учеников, всегда споривших с отсталыми, консервативно настроенными учителями. Группа оппозиционеров состояла из 3—5 человек. В этой группе были: Вася Орлов, сын приказчика, я, из семьи служащего интеллигента, и другие, фамилии которых я не помню. Эта группа, обладавшая большими порывами, но недостаточным развитием и подготовкой, дальше отрицания бога и дерзостей учителям не шла. Учительский персонал, и особенно «батюшка», косились на нашу компанию, а некоторым

из оппозиции и более ощутительно дали почувствовать свое недовольство. Позднее казанское промышленное училище, куда я направился продолжать свое образование вместе с Орловым и другими товарищами, отказало мне в приеме. «Нам таких не надо»,—заявил попечитель округа. Очевидно, промышленное училище было уведомлено о моих настроениях.

Не имея возможности продолжать образование, я поступил на службу в симбирскую почтово-телеграфную контору, рассчитывая в свободное от служебных занятий время подготовиться к экзамену на аттестат зрелости.

Зимой 1902 года я начал получать от Василия Орлова из Казани посылки нелегальной литературы, преимущественно толстовские гектографированные брошюры и листовки. Эту литературу я распространял среди служащих почтово-телеграфной конторы. Молодые почтовики быстро вошли во вкус нелегальщины и с большим нетерпением ждали присылки новой литературы.

Как ни конспирировал я свою работу по распространению литературы, все же начальник конторы Воробьев учуял во мне человека неблагонадежного, и в конце 1902 года я вновь услышал знакомую фразу: «Нам таких не нужно».

Весной, прибыв в Симбирск на летние каникулы, Орлов ознакомил меня с положением дел в Казани. Оттуда он привез адреса и явки. Лето прошло у нас в самообразовании и переписке некоторых экземпляров нелегальной литературы, в том числе «Экономического учения Карла Маркса».

Наши небольшие совещания происходили у меня на квартире (Московская улица, д. № 9, за церковью). Осенью 1902 года Орлов, передав мне некоторые казанские связи, уехал в Саратов для поступления в среднее техническое училище. В начале 1903 года я начинаю уже получать от него нелегальщину из Саратова. Толстовские брошюры заменились боевыми социалдемократическими прокламациями к рабочим и учащимся и брошюрами по вопросам социализма, в которых я уже разбирался довольно сносно, считая себя социалдемократом.

К этому же приблизительно периоду относится появление в нашей группе студента Петербургской военно-медицинской академии Юрия Кролюницкого, присланного в Симбирск рядовым в местную воинскую часть.

Прибытие Кролюницкого (впоследствии кличка «Кондуктор»), человека более развитого, чем мы, оживило работу группы. Уже в начале зимы мы установили некоторую связь с казармами, где, кроме Кролюницкого, был нашим человеком еще один вольноопределяющийся, учившийся когда-то со мною и Орловым в городском училище. Последний дальше простой оппозиции к существующему порядку не шел, но дружбу с нами поддерживал, оказывая некоторые незначительные услуги.

Часть получаемой от Орлова литературы теперь направлялась в казарму. В это же время мы стали получать из-за границы «Искру», пересылаемую в Россию или в конвертах со штампом разных фирм в адреса легальных солидных учреждений или заклеенной внутри картонной трубки заграничных бандеролей.

СОЗДАНИЕ СИМБИРСКОЙ ГРУППЫ

Еще до получения «Искры» наше настроение было эсдековским. «Искра» окончательно закрепила это настроение.

В марте 1903 года мы получили телеграмму из Саратова, что Василий «опасно заболел», т. е. арестован. При обыске у Орлова нашли мое письмо. Это послужило поводом и к моему аресту (в апреле 1903 года). Несмотря на нашу неопытность, и Орлов и я сумели втереть очки жандармам и скоро оба были выпущены из тюрьмы под надзор полиции. Орлова уволили из училища и он приехал в Симбирск к отцу, а я потерял всякую надежду не только на поступление в школу, но и на получение работы.

Так совершилось наше боевое крещение.

Регулярно получая и распространяя «Искру» и другие газеты и листовки, мы решили объявить себя «симбирской группой социалдемократов» и с тех пор наша работа стала носить не случайный, а систематический характер. Прежде всего при помощи азотной кислоты мы вытравили металлическую печать. Затем распределили между собою роли. Кролюницкий получил звание литератора и, как находящийся под особым надзором в казармах, был освобожден нами от активной повседневной работы. Орлов был пропагандистом и агитатором, а я — организатором и казначеем. На практике наши роли все время путались и каждому из нас приходилось выполнять самые разнообразные обязанности.

Наша связь с соседними городами стала крепнуть. Из Самары и Казани к нам нередко приезжали товарищи, привозили литературу и знакомили нас с положением дела в этих городах. Больше всего наша группа получала литературы из Самары, Саратова и Казани, но не всегда бесплатно. Все организации того времени сильно нуждались в деньгах, и я помню, как за «Эрфуртскую программу» самарцы, в лице Арцыбушева, заставили нас уплатить 25 рублей — сумму, равную нашему месячному бюджету.

Наша группа считала необходимым установить связи с рабочими и организовать рабочие кружки. В это время в Симбирске было всего несколько более или менее крупных предприятий: два винных завода (Сусоколова и Сачкова), свечной — на Тути (выселки), мельница Балакирщикова, медно-литейный заводик Соколова, типографии и кустарные мастерские. Общественная жизнь в городе отсутствовала. Рабочие были распылены по карликовым предприятиям и находились под влиянием мещанской среды. Все это затрудняло наше проникновение в пролетарскую среду и долгое время нам не удавалось установить связь с рабочими. Пробовали мы пойти на хитрость. Узнав, что сын сослуживца моего умершего отца, некто Павлов, работает в типографии Токарева, мы направились к нему заказать 100 визитных карточек, рассчитывая таким образом завести знакомство, но ошиблись в расчете. Павлов карточки изготовил, но принес их не сам, а прислал с мальчиком. Таким образом первая попытка установить связь с рабочими потерпела неудачу. Пришлось ограничиться связью с почтовиками и частично с солдатами (еврей-музыканты). Но ни у тех, ни у других кружка нам не удалось создать, и наша группа принуждена была еще некоторое время вариться в собственном соку.

Зимой 1903 года нами был изготовлен гектограф, с помощью которого мы время от времени выпускали свои воззвания или перепечатки и распространяли их в казармах через нашего вольноопределяющегося и Кролюницкого. В городе разбрасывали листовки я и новый член группы семинарист Александр Лебедев. Через Александра Лебедева мы установили связь с семинаристами.

Благодаря связи с Самарой мы быстро узнали о разногла-

сиях на II съезде. Наша группа фактически стала считать себя большевистской, умалчивая однако об этом. Дело в том, что ядро самарцев, поддерживающих с нами связь, разделяло тогда точку зрения меньшинства II съезда. В случае если бы мы признали себя «беками» (большевиками), мы лишились бы единственной возможности получать литературу от «меков» (меньшевиков).

Однако это сидение между двух стульев окончилось довольно скоро. Один за другим приезжали к нам представители большевиков, кажется, из Казани и меньшевиков из Самары.

После долгих споров мы заявили «беку» о нашем согласии на причисление нас официально к большевистским организациям. Нужно сказать, что это наше самоопределение не имело для нас решающего значения. Споры о большевизме имели для Симбирска долгое время лишь теоретическое значение, не вызывая раскола организации.

Здесь следует отметить один факт, имевший для будущей нашей работы большое значение. Отец Орлова, скопив небольшую сумму денег, решил выстроить для своей большой семьи домик. Место было выбрано по Введенскому переулку (продолжение Б. Саратовской). Обремененный работой по службе, в магазине местного купца, отец Орлова возложил надзор за постройкой дома на нас, чем мы и воспользовались для своих целей. Мы устроили несколько великолепных конспиративных помещений для литературы (в бане и уборной), для револьверов (в средней выдолбленной доске двери) и помещение на пять человек между стенкой и фальшивым прикрытием с чердака сеней мезонина. С момента постройки дома мы получили полную возможность конспирировать свою работу и собрания.

Начало 1904 года ознаменовалось одним крупным событием: нам было поручено переотправлять на север и восток заграничную литературу.

Однажды в магазин, где работал отец Орлова, пришел к нему человек с паролем: «я из преисподней». Орлов забыл о нашем предупреждении, опешил и сразу не мог сообразить, в чем дело. Когда выяснилось положение, он направил посетителя из «преисподней» к нам.

Представьте себе появление в демократической квартире

человека, одетого с иголочки, в котелке, белых перчатках (все это делалось для конспирации). Он предъявляет пароль.

«Шпик», — мелькнула у нас мысль.

— Вы и есть Орлов и Рябиков.

— Да.

— Ну и младенцы!

Это восклицание, сказанное очень искренним тоном, успокоило нас. Начались разговоры, обменялись новостями партийной жизни. «Виктор» — так звали нашего нового знакомого, — оказывается, явился к нам с транспортом нелегальной заграничной литературы (около пятнадцати пудов).

Конспирация не позволила нам спросить, от кого получена «Виктором» явка и откуда пришла литература.

Передавая дубликат, «Виктор» сообщил, что его от Царицына преследовал шпик. Нужно было спасти драгоценную литературу, и никакой риск остановить нас, конечно, не мог. Отец Орлова был уже в курсе нашей работы. Узнав о грозивших нам опасностях, он может быть из чисто отцовских побуждений взялся получить груз по дубликату сам, чтобы в случае провала можно было сослаться на случайно полученный в магазине дубликат.

Сколько мы пережили волнения, ожидая прибытия драгоценного груза! Наконец, извозчик с двумя громадными ящиками, испещренными иностранными клеймами, въехал в наш двор. Оба ящика оказались вместо «сафьянового товара», указанного в дубликате, набитыми серьезной марксистской литературой. Здесь оказались такие книги, как «Манифест Коммунистической партии», «Эрфуртская программа», «Красное знамя», книги Маркса, Энгельса, Лассаля и Плеханова. Началась горячая работа. В течение трех суток, мы сортировали литературу, пилили доски, делали маленькие ящики и упаковывали в них книги. На крышках писали «Варенье». «Верх». «Осторожно». Через три дня еще более объемистый воз выехал с нашего двора на пароходную пристань.

Часть литературы мы оставили себе, и у нас сразу же создалась целая революционная библиотека. Уезжая, «Виктор» оставил нам клички: Вася стал «Младенцем Младшим» а я — «Младенцем Старшим». Под этими кличками и стали знать нас с тех пор в соседних поволжских организациях.

ПЕРВЫЙ МАРКСИСТСКИЙ КРУЖОК

Создание библиотеки дало новое содержание нашей работе. Мы организовали первый марксистский кружок для собственного самообразования. В этот кружок входили ученики фельдшерской школы: «Макс» (фамилию забыл), Юлия Чарочникова и Шура Матвеева, Орлов и я. Эта тройка связала нас с фельдшерской школой, где она вела активную работу в организованном ею же кружке.

К этому же времени приблизительно относится появление в Симбирске административно-ссыльного из Москвы гимназиста или студента-первокурсника Бориса Прозина. Нигилист по внешности, с длинными волосами, с лицом «не от мира сего», несколько странный, но хороший товарищ, Борис большой роли в нашей группе не играл. Ему мы были обязаны лишь некоторыми знакомствами с местными либеральными кругами и главным образом с семьей купца Чебоксарова.

Симбирское старообрядческое купечество в ту пору не чуждалось либеральных идей и нередко состояло в оппозиции «его величеству». Конечно, дальше предоставления знакомым студентам квартир для собраний или нескольких рублей «пожертвований» эта публика не шла, но в то время и такая помощь имела для нас большое значение, так как получить квартиру под нелегальное собрание было нелегко; бюджет наш, основанный главным образом на собственных грошах, был весьма тощий и выражался в двух-трех десятках рублей в месяц.

На вечеринках у Чебоксаровых мы познакомились со всей «сочувствующей революции» студенческой молодежью. Поглощая десятки стаканов чаю и бутербродов, приготовленных заботливыми хозяевами, студенты обсуждали вопросы момента. Я помню, что только один вопрос о всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве (четыреххвостка) отнял у нас часов семь и в результате каждый остался при своем мнении. Из участников этих вечеринок я помню Красникову (по мужу, кажется, Балакирщикову), сочувствующую эсдекам; ее брата — студента московского университета; Николая Чебоксарова — эсдека; студента Порфирьева — эсера; учителя — мордвина Николаева — эсера (в 1905 году был председателем мордовской республики) и, если не изменяет память, студента и курсистку (муж и жена)

Поляковых. По конспиративным соображениям и отчасти из-за скромности ни я, ни Орлов на этих вечеринках не выступали. И вообще нам эти вечеринки не нравились. Прозин же откровенно заявлял, что он ходит туда исключительно из-за бутербродов.

Считая посещение вечеринок бесполезным и неконспиративным, мы, не открыв себя, вскоре перестали там бывать. Эсдековское настроение Красниковой мы использовали не раз. Потом она оказывала нам маленькие услуги и некоторое время числилась даже членом финансовой группы при нашей группе по сбору средств на революционную работу.

Вскоре после убийства Плеве (в конце июля или начале августа) к нам пришел второй транспорт заграничной литературы, в количестве около девяти пудов. Третий транспорт заграничной литературы пришел летом 1905 года в количестве 10—12 пудов. Вся эта литература, как полагается, немедленно была переправлена по условным адресам на север и восток.

КАМПАНИЯ ПРОТИВ ВОЙНЫ

С началом японской войны наша группа развивает максимум энергии. Не ограничиваясь распространением получаемой нами литературы, мы изготовили несколько гектографов и выпустили для мобилизованных 4000 листовок, размером в пол-листа. Тот, кто имел дело с гектографом, поймет, каких трудов стоили нам эти листовки. Работа усложнилась еще тем, что наш «спец» — литератор Юрий Кролюницкий — охарактеризовал в листовке Манчжурию, как страну бесплодную. Потом, когда листовка прошла через критику группы (комитета) и была нами напечатана, выяснилось, что Манчжурия далеко не бесплодная страна, и это «открытие» заставило нас во всех 4000 экземплярах листовки заклеить слово «бесплодная» полоской бумаги.

Приближался день явки вновь мобилизованных. Нужно было во что бы то ни стало распространить прокламации, а никакой связи с мобилизованными у нас не было. Можно было раздать прокламации мобилизованным только у воинского присутствия во время их освидетельствования, т. е. среди белого дня, почти на глазах полиции.

Провал был почти неизбежен, но и другого выхода у нас не было.

Пропели мы, как новобранцы, «Последний нонешний денечек» и пошли распространять листки сами. Вася одел отцовское пальто, а я башлык,— это все, что мы могли сделать, чтобы стать «неузнаваемыми».

Зимним утром, с четырьмя громадными свертками в руках и с тревогой в сердце, мы пошли к воинскому присутствию. Сенной переулок, где помещалось присутствие, был буквально забит мобилизованными и охранялся густой цепью полицейских и проникнуть туда, с пачками прокламаций, было невозможно. С прокламациями в руках мы стояли у цели и не имели возможности осуществить свои намерения. В это время мы переживали уже не страх, а досаду.

Что было делать? Вдруг нас осенила мысль — использовать ребятишек, катавшихся в большом количестве на коньках по толчку и около него. Зайдя на толчок, мы громко закричали: «Ребята, кто хочет раздавать объявления?» Моментально десятка два ребят, от 9 до 14 лет, вызвались на эту работу, но предъявили вполне законное требование об уплате гривенника.

Среди улицы, на глазах угородовых, мы разбили ребят на три группы и дали задания: одной группе обойти переулок и начать раздачу с противоположного конца (кажется, с Ильинской площади), второй группе предложили пробежать двором токаревской типографии и начать раздачу в центре призывавшихся, а третью группу пустили прямо через цепь городских. Ребятишкам мы наказали при раздаче «объявлений» кричать: «Шапки теплые», — и сказали, что если они сумеют быстро раздать это «объявление», то пусть приходят к нам на это же место и мы дадим им еще по пачке листов и заплатим еще по гривеннику. Все ребята исчезли с быстротой молнии с писком и ревом: «Шапки теплые! Дяденьки, купите шапки теплые!» Мы видели, как последняя группа нырнула в цепь равнодушных, ничего не подозревавших городских и как мобилизованные наперебой стали рвать у ребят листовки.

Дело было сделано. Мы рысью перебежали улицу, сели на извозчика и поехали на конспиративную квартиру. Мы чувствовали себя героями-победителями и нашей радости не было пределов.

Уже через несколько часов вся полиция была на ногах. Мальчишек обнаружили случайно. Один из ребят сунул прок-

ламацию какому-то офицеру, а тот, бегло ознакомившись с содержанием листовки, пустился за ним в погоню. Напуганный ребенок, бросив остатки прокламаций, пошел было наутек, но был пойман. По показаниям этого ребенка полиция тщетно искала «дяденьку в черном пальто с воротником и другого в башлыке», и, вероятно, немало обывателей пострадало за свои «крамольные» привычки носить пальто с воротником и ходить в башлыке.

Неудачи японской войны вызвали среди населения оппозиционное настроение. Либеральное крыло земского и городского «самоуправления» ходило с мировой скорбью во взоре, пряча протест в глубоких карманах сюртука. Но даже жалкий лепет либералов являлся «знаменем времени» и заражал оппозиционным настроением интеллигенцию и мелких служащих.

Улучшились условия и для нашей работы. Распространять литературу, добывать средства и квартиры стало гораздо легче. Новые веяния помогли нам проникнуть в среду служащих земства, что в свою очередь облегчило нам получение восковой бумаги для мимеографа. А это кустарное изобретение давало возможность снимать с одного оригинала 300—400 экземпляров и увеличивало нашу производительность по выпуску прокламаций.

Проникнув в среду либеральных земцев, мы впервые наткнулись на зародившуюся ячейку эсеров. Дальнейшее знакомство с эсерами убедило нас, что они, несмотря на свой пыл, видимую революционность и проповедь террора, на практике были лишь левым крылом либералов, с которыми у них был даже некоторый контакт. Основная работа эсеров заключалась не в пропаганде и агитации среди рабочих или крестьян, а в обработке городской мелкой буржуазии и мещанской интеллигенции.

Наша работа велась в другом направлении. Все помыслы нашей группы были обращены на рабочих.

ПЕРВАЯ ЗАБАСТОВКА

Если не ошибаюсь, осенью 1904 года сбылась наша заветная мечта. Не помню откуда, мы получили сведения: «Типографщики волнуются; вероятно, забастуют. Сегодня после обеда у них будет собрание на Воложке, на Минаевском кладбище».

Не помня себя от радости, мы с Орловым стремглав полетели на Воложку. Вот и кладбище. Кое-где на могилах сидят люди разного возраста, всего человек двадцать. Все, видимо, чего-то ожидают. Мы стали бродить по кладбищу, осторожно приближаясь к группе рабочих. Вскоре наше присутствие было замечено и в нашу сторону посыпались различные замечания. Мы подошли к группе и, приняв вид обиженных, заявили, что мы не шпики, что мы хотим только послушать, о чем они будут говорить, и, если нужно, помочь им. Такая смелость юнцов произвела хорошее впечатление на рабочих и нам разрешили остаться. Через полчаса мы уже знали все и принимали самое деятельное участие в разговоре.

Типографщики собирались туго, что было вполне естественно: большинство их о забастовке имело слабое представление, зато хорошо знало тяжелую руку полиции. Собравшиеся начинали расходиться по домам. Нужно было ловить момент — инициатива переходила к нам.

«Товарищи, — сказал один из нас: — неужели мы бросим начатое дело? Пусть трусы не пришли, но мы можем договориться и без них. Выбирайте председателя собрания и секретаря. Ну, кто из вас может быть председателем?»

Оказывается, они об этом не думали и не знают, как вести собрание. Рабочие просили нас взять на себя эти обязанности. Мы открыли собрание.

Сначала робко, а потом посмелее заговорили рабочие о притеснении и издевательствах хозяев, о материальной нужде и о расценках. Посыпались незнакомые нам слова: петит, корпус, разборка материала, гранки, верстка и пр. На кирпичной стенке кладбищенской часовни все высказываемое облекалось нами в пункты требований, которых набралось чуть ли не до двух десятков. Первым требованием был восьмичасовой рабочий день. Выработка требований происходила единодушно.

К концу работы между присутствующими создалась спайка. Прежнее недоверие к нам сменилось теплым товарищеским чувством. Решено было — завтра вечером встретиться в трактире на базарной площади. На это собрание мы должны были принести отпечатанные требования.

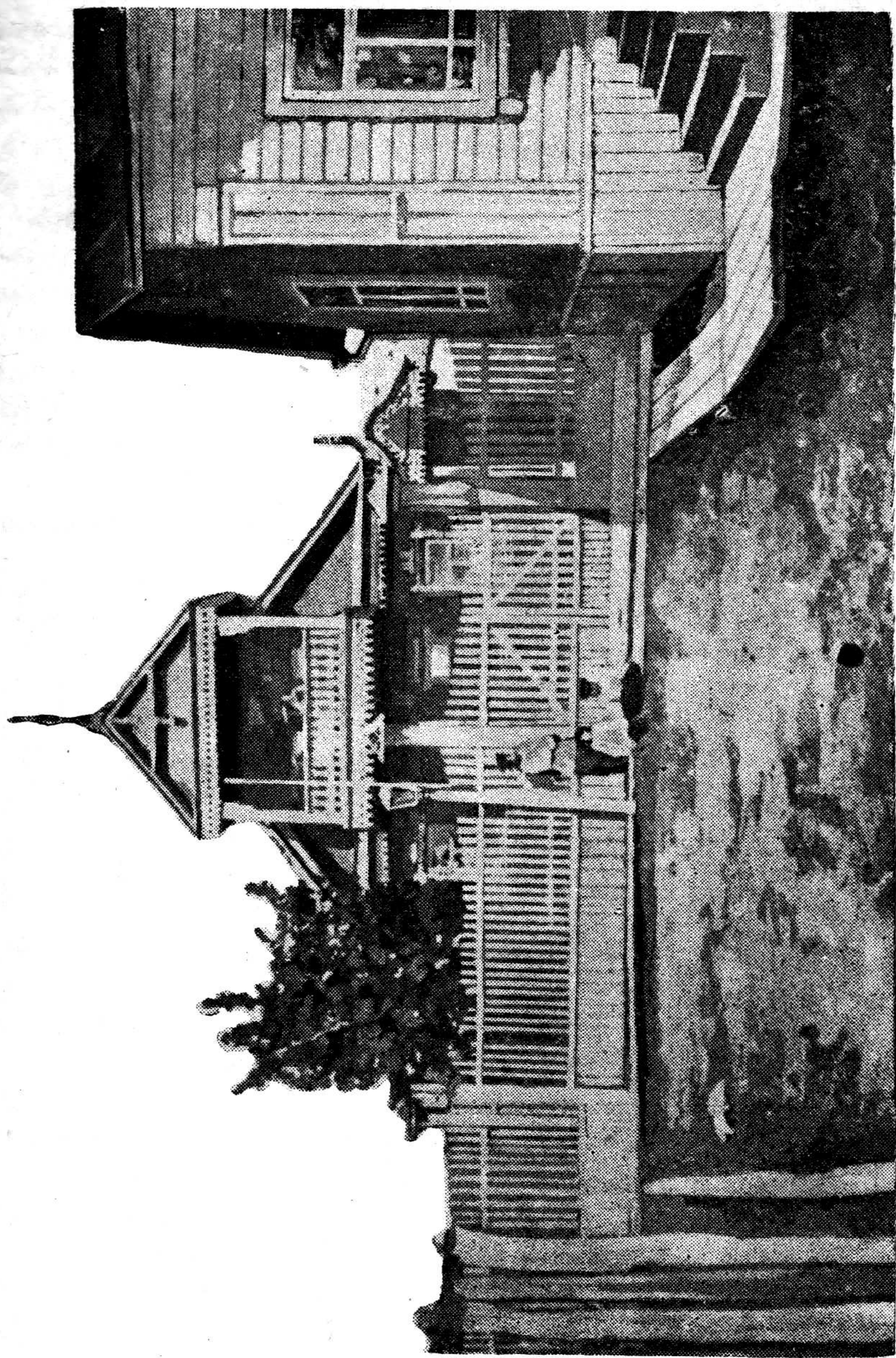
Ночь ушла у нас на варку нового гектографа и печатание. А на следующий день вечером мы были в трактире. Требова-

ния вновь были пересмотрены и для передачи их была избрана комиссия. На другой день требования гуляли открыто по всем типографиям. Первая забастовка в Симбирске была объявлена. Типографии остановили работу, о чем заговорил весь город. Первой типографией, пожелавшей вести переговоры с рабочими, была губернская, где условия труда были лучше, чем в других типографиях. Больше всего сопротивлялась владелица типографии Дмитриева и, кажется, Шпак.

По предложению хозяев, все рабочие должны были собраться вечером в школе кройки и шитья (угол Беляевского переулка и Покровской улицы). Хозяева были уверены, что им легко будет заговорить запуганных рабочих и ликвидировать забастовку. Вечером все были в сборе. Собрание открыл заведывающий губернской типографией, хитрый Тихомиров. Победоносно оглядывая притихшее собрание рабочих, Тихомиров с насмешкой спрашивает: «Ну, кто тут из вас будет предъявлять требования и чего вам вообще нужно?» Ответом была мертвая тишина, что вызвало иронический смех эксплуататоров. Орлов и я, с умыслом сидевшие в разных местах, почувствовали, что забастовке грозит провал. Нужно было говорить.

И вот один из нас крикнул из темноты: «Мы вам предъявили требования, говорите теперь — согласны ли вы их удовлетворить или нет». Хозяева сразу перестали смеяться. «Кто там? — кричит Тихомиров: — Выходи сюда». Но тут рабочие сразу заговорили в один голос, придвигаясь к хозяевам. Вначале ничего нельзя было разобрать. Годами накопленные обиды вылились наружу и хозяева слышали в этот момент немало крепких словечек. Помню курьезную сценку, когда хозяин типографии Шпак, толстый, как свинья, в засаленном до блеска сюртуке, бил себя в живот и, брызжа слюной, кричал высохшему и согнутому от чахотки худому рабочему: «Ты, ты, сукин сын, мой эксплуататор, ты высосал мою кровь». Это было так комично, что все собрание охватил гомерический хохот.

Хозяева обещали на другой день дать ответ. На следующий день половина требований была удовлетворена хозяевами, в том числе и требование восьмичасового рабочего дня. Рабочие знали, что добьются больших уступок, и решили продолжать



Дом в Введенском переулке (Симбирск)

забастовку. Но враг был внутри нас. Токарев через своего приспешника метранпажа спонсировал десятка полтора несознательных рабочих и уговорил их приступить к работе. После этого начали работать и другие типографии. Уступки хозяев были значительны, но все же победа была одержана лишь наполовину.

Со времени этой забастовки наша социалдемократическая группа стала пользоваться у типографщиков значительным авторитетом и мы повели среди них большую работу.

Конец зимы прошел у нас под знаком борьбы с войной. Наши прокламации, которые теперь распространялись в большом количестве, вызывали у начальства тревогу и опасения. В казармах усиливались строгости. Кролюницкому только с трудом удавалось получать отпуск в город. Казармы и призывные строго охранялись, но полиция, видимо, не допускала мысли, что гнездо социалдемократии свито во Введенском переулке, и все свое внимание обратила на земство и на либеральничающую интеллигенцию.

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

1904 год вывел Симбирск из состояния застойного равновесия. Продолжавшиеся военные неудачи, начавшаяся в центре борьба с правительством, о чем намеками сообщали даже «Русские ведомости» и «Русское слово», встряхнули не только рабочих, но и обывателей.

Наступал исторический 1905 год.

Японская война ясно показала полную несостоятельность самодержавия. Возвращающиеся инвалиды войны были настроены далеко не патриотически. Рассказы о позорном поведении великих князей на фронте, о трусости и нечестности командного состава, о воровстве и растратах в хозяйственных частях армии передавались из уст в уста. Чувствовалась не только возможность, но и близость революции.

Нараставшая оппозиционность населения повысила требования на наши листовки. Гектограф и самодельный мимеограф уже не успевали удовлетворять этих требований. Нужен был шрифт. Теперь типографщики были нам знакомы и мы могли попасть к ним без визитных карточек. Вскоре нами была приобретена типографская краска и, наконец, шрифт. Послед-

ний пришлось добывать, конечно, нелегальным путем из губернской и токаревской типографий.

Можно представить себе изумление полиции, когда в ее руки попали прокламации, набранные тем же шрифтом, что и приказы по полиции! Начались обыски в типографиях, но они никаких результатов не дали.

Получив возможность работать типографским шрифтом, мы свою типографскую работу перенесли из нашей квартиры в более конспиративное место, на Московскую улицу, и самое печатание поручили «Максу», а потом приехавшему из Казани студенту ветеринарного института.

Наступила весна, приближался день первого мая. В это время из ЦК или из соседней организации прислали нам в значительном количестве первомайскую листовку на цветной бумаге.

Листовка начиналась приблизительно так:

«Граждане, проснувшись сегодня утром, вы увидите Россию, залитую кровью...»

Работа нашей организации упиралась в недостаток средств, хотя мы изыскивали их самыми разнообразными способами. Кажется, в начале 1905 года нам пришла в голову мысль — использовать для пополнения нашей кассы писателя Скитальца, приехавшего в это время к своему тестю в Симбирск. Эсеры быстро узнали о нашем намерении и предложили провести это дело вместе, так сказать, на паях. Переговорив с городским головой, Волковым, наша объединенная комиссия устроила в здании городской думы платный вечер и получила от Скитальца согласие выступить на этом вечере.

Начался вечер. На трибуне появилась увесистая фигура Скитальца. Приосанившись, Скиталец густым басом стал читать свои лучшие стихотворения.

Под впечатлением овации Скиталец воодушевился. Помню, что последнее стихотворение, прочитанное им с большим подъемом, начиналось так:

Нет, я не с вами!
Своим напрасно меня зовете.
Мой бог — не ваш бог.
Мой бог карает...

Публика бросилась к эстраде, и «марсельеза» залила зал думы. С пылающими лицами пели мы все, сбившись в тесный круг.

По чьей-то инициативе молодежь решила устроить демонстрацию на улице. Кое-как одевшись, выкатились мы скопом на площадь против Карамзинского садика и в два часа ночи улицы Симбирска огласились революционными песнями. Спали жители, но не спала полиция. Вскоре в толпу врезались полицейские, начались аресты, слышались визг женщин, крики и ругань, но темнота помогла нам почти без жертв дойти до Большой Саратовской улицы. Демонстранты разошлись в разные части города.

Это была первая уличная демонстрация в Симбирске.

МЫ ВООРУЖАЕМСЯ

Вести о 9 января, всколыхнувшие всю страну, докатились и до Симбирска и вызвали дальнейшее «полевение» либеральных групп. О чем говорили до этого шопотом, теперь стали говорить громко и открыто. Общее возмущение сблизило революционные и оппозиционные элементы. Реакционные заправилы симбирского губернского земства — Протопопов, Поливанов, Мотовилов — чувствовали себя смущенными и их вызывающий тон переменялся на неведомый до сего времени минорный тон. Наши прокламации стали находить большое распространение и среди интеллигенции.

Не ограничиваясь раздачей листовок по рукам, мы организовали разбрасывание прокламаций с балконов в зале губернского земства во время заседаний и в театре во время спектаклей. Я помню, что в большинстве листовок говорилось о приближении революции и о необходимости вооруженного восстания. Одновременно с агитацией нами делались попытки самовооружения.

МАССОВКИ

В самом начале 1905 года наша связь с местной интеллигенцией усиливается, но вместе с тем заметно слабеет конспирация. До этого времени вся основная работа группы проходила в узком, замкнутом кругу 10—15 товарищей и отчасти этим можно объяснить существование нашей группы без провалов в течение почти двух лет.

Однажды совершенно неожиданно мы встретили в губернском земстве несколько социалдемократов, видимо незадолго перед этим перебравшихся в Симбирск. Это были земские врачи Зиновий Соловьев, Дмитрий Ульянов (брат В. И. Ленина) и Черномордик, только что выпущенный из тюрьмы и прибывший в Симбирск. С этого времени мы стали более уверены в своих действиях, зная, что опытные и сведущие товарищи могут своевременно указать на те или иные промахи в работе. Группа окрепла и стала называться «симбирским комитетом социалдемократической рабочей партии». С. И. Черномордик (через несколько месяцев ставший секретарем московского комитета) помог нам вести дебаты с эсерами и детально ознакомил нас с обоснованием аграрной программы, в чем мы сильно нуждались.



Доклады по аграрному вопросу Черномордик делал несколько раз. На его докладах присутствовали не только социалдемократы, но и члены местного комитета эсеров.

Зиновий Соловьев был использован для работы среди железнодорожников и вместе с Дмитрием Ильичем Ульяновым выступал на особо серьезных собраниях и митингах.

Наша организация продолжала усиливаться притоком рабочих. С начала весны 1905 года комитет организовал по воскресеньям массовки. Чаще всего массовки собирались в колках и за линией железной дороги. Для охраны массовок нами на всех возвышенных

С. И. Черномордик
местах ставились пикеты. Массовки проходили оживленно, с пением революционных песен, с знаменами. Присяжными ораторами были Кролюницкий и Орлов.

Рост числа участников массовок шел параллельно росту вообще организованности рабочих. У нас в это время было значительное количество кружков рабочих, учащихся и солдат,

причем последние собирались сугубо конспиративно. Работу в кружках вела небольшая группа пропагандистов по выработанной программе для кружков низшего, высшего и среднего типа.

Наш комитет не был выборным и пополнялся исключительно путем кооптации наиболее активных работников.

Весной 1905 года в комитет вошел студент «Сибиряк» с женой «Сибирячкой», томский рабочий-литейщик Евгений Парфенов («Пашка») и рабочий-металлист из Саратова «Лука» (кажется, Гвоздев).

Эти товарищи отличались большой работоспособностью, преданностью делу и пользовались у нас заслуженной любовью. Вообще следует отметить, что наши отношения в подполье были в высшей степени теплыми, искренними и чуткими. Товарищи помогали друг другу, не ожидая просьб. Каждая организация встречала нового товарища как лучшего друга, помощника в тяжелой работе.

Наша организация росла, но оставалась ли она большевистской? На этот вопрос нужно ответить утвердительно. Несмотря на «оживление» в либеральных и земских кругах и заигрывание этих элементов с нами, мы им никогда не доверяли и принимали все меры, чтобы не допустить влияния либералов на рабочих. Я помню, как однажды земцы затеяли устроить какой-то объединенный совет из либеральных и социалистических деятелей для совместных выступлений, но мы поняли это как попытку либералов распространить свое влияние на идущих за социалдемократической партией рабочих и наотрез отказались от объединения.

В наши задачи отнюдь не входило убить в зародыше начавшееся движение среди молчавших до того и пресмыкавшихся земских и вообще либеральных интеллигентских кругов. Но их трусливость, нерешительность и половинчатость во всем не внушали нам никакого доверия и мы смотрели на них как на не совсем приятных попутчиков до первой станции и все время разоблачали их тактику.

Финансовое положение нашего комитета было с самого начала затруднительным. Еще хуже стало оно, когда увеличившийся масштаб работы потребовал все больших и больших средств. Добыча средств шла очень туго. Членских взносов у нас тогда почти не было, приходилось скрепя сердце заниматься «дой-

кой» сочувствующих. Одним из таких оказался учитель русского языка в городском училище — всем известный в Симбирске Степан Степанович Рогозин. Рогозин не был марксистом, но он сочувствовал нам и помогал деньгами.

В 1905 году уличной демонстрации 1 мая не было, но мы блестяще провели массовку у Воложки. К 1 мая все мы готовились за месяц, печатали листовки, расшивали знамена, разучивали революционные песни и готовили красные бантики. За несколько часов до начала массовки на возвышенных местах вдоль линии железной дороги в районе Обрезовского сада уже были расставлены пикеты. День был ясный и массовка собрала более 200 человек. Речи ораторов (Кролюницкий и Орлов) слушались с глубочайшим вниманием и серьезностью. Под конец настроение массовки было настолько приподнято, что мы, забыв конспирацию, двинулись всей массой, с красными знаменами и песнями, вдоль линии железной дороги к Введенскому спуску и разошлись только у начала Большой Саратовской улицы.

Эта массовка показала, что рабочее движение в Симбирске выросло из узко-нелегальных рамок и вышло на улицу. Массовки в то время являлись смотром сил организации. Если рабочий не боялся идти на массовку или демонстрацию, за участие в которых мог получить нагайку, арест и высылку, то значит на этого рабочего можно положиться.

Успех майской массовки влил новую бодрость в среду нашего актива. Летом в Симбирск приехал член казанского или самарского комитета (если не ошибаюсь, под кличкой «Фома») и сделал доклад собранию активных работников о III съезде. Мы одобрили все постановления этого съезда, но, не испытав на своей шкуре трудной и необходимой борьбы с оппортунистическим течением в партии, мы с болью слушали о расколе партии. Нам тогда казалось, что вожаки перегнули палку, что соглашение между сторонами могло быть достигнуто.

Эта мысль не покидала нас, и каждый раз мы с неприятным чувством читали в партийной прессе о распрях в партии. Только позднее, столкнувшись с половинчатостью («с одной стороны, нельзя не признать, с другой — нельзя не сознаться») и предательством меньшевиков, мы поняли, насколько был дальновиден и прав т. Ленин в своей непримиримости.

Указ 6 августа о созыве булыгинской Думы был встречен в Симбирске почти всеми левыми организациями отрицательно. Наш комитет выпустил по этому вопросу ряд листовок о бойкоте, с призывом не отступать от требования Учредительного собрания. Наши «техники» проклинали булыгинскую Думу еще и за то, что срочная листовка оставила их в течение нескольких дней без сна и обеда.

ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО МАНИФЕСТА

Майские забастовки, восстание броненосца «Потемкин» создавали тревожное настроение. Кое-где происходили столкновения рабочих с хозяевами и даже непродолжительные забастовки (пекаря и др.), кончавшиеся обычно в пользу рабочих. Связи нашей организации с рабочими росли непрерывно. Кроме типографий мы проникли уже к пекарям, приказчикам, металлистам, портным и т. д. Одновременно укреплялись связи и с солдатами, среди которых нами было организовано несколько кружков.

Социалисты — революционеры тоже не спали. Через своих либеральных друзей-земцев, учителей, агрономов и вообще через сельскую интеллигенцию они делали попытки закрепиться в деревне. Это им отчасти и удавалось. Что же касается городских рабочих, то последние почти целиком шли за нашей организацией, за исключением, пожалуй, только столяров, которые вначале поддерживали связь с социалистами-революционерами.

16 октября в Симбирск приехал известный эсер Авксентьев, вызванный на Волгу своими единомышленниками для укрепления их влияния.

Коньком Авксентьева в то время был аграрный вопрос, и с рефератом на эту тему он объезжал крупные города Волги. Свой реферат Авксентьев читал в первый раз 17 октября вечером полулегально в одной из зал земского собрания. Читанный десятки раз реферат был великолепно разработан и мы, несмотря на все наше желание, не рискнули выступить оппонентами, чувствуя свою слабость. Авксентьев отпора не получил.

В конце реферата среди публики возникло волнение. Все повскакали с своих мест, заговорили и с взволнованными ли-

цами двинулись к трибуне. Авксентьев объявил, что получены известия из Петербурга о манифесте 17 октября, дарующем конституцию и свободы.

В связи с этим был назначен на 18 октября общегородской митинг в большом зале губернского земского собрания. Помещение было переполнено. Не всегда складные, но горячие, восторженные речи ораторов волновали собрание. На митинге преобладали ораторы-эсеры. От нас выступили Кролюницкий, студент Александр Георгиевич Шеломович и еще два-три товарища. Со стороны эсеров говорили муж и жена Поляковы, ветеринарный врач Родионов и другие.

С октябрьских дней наш комитет развертывает работу в невиданном еще в Симбирске масштабе. Полулегальные условия привели в нашу организацию не только большое количество рабочих, но и всякого рода попутчиков, которых мы использовали по мере возможности.

В ноябре в Петербурге появилась первая легальная социал-демократическая большевистская газета «Новая жизнь». Собрав около 14 рублей, мы заказали большое количество объявлений о подписке на газету и распространили эти объявления по всей губернии.

Манифест 17 октября усилил расслоение. Либералы-земцы считали революцию закончившейся и призывали граждан к спокойной работе в Думе. Мы шли дальше.

Манифест 17 октября не удовлетворял требований масс, а последовавшие за объявленными «свободами» расстрелы восстающих крестьян и рабочих еще более убедили нас в неискренности и вероломстве самодержавия.

Восстания в Кронштадте, Польше, Севастополе, Киеве, подтверждали, что наша партия, выражая свое недоверие манифесту, говорила подлинным языком трудящихся.

26 ноября правительство арестовало председателя петербургского совета рабочих депутатов Хрусталева. Совет ответил призывом к выкачиванию вкладов из сберегательных касс и банков и к подготовке вооруженного восстания.

Мы подхватили эти лозунги и развили максимальную агитацию. Мы собрали сведения о лицах, имевших деньги в сберегательных кассах, и уговаривали их требовать свои вклады золотом. Через несколько дней банк уже не был в состоянии

выдавать золотую валюту, вызвав этим еще большую панику среди своих клиентов.

Всеобщая забастовка, объявленная петербургским советом 7 декабря, постепенно распространялась по всей стране; железные дороги остановились. На станции Симбирск был избран стачечный комитет во главе с молодым инженером-практикантом, примкнувшим к социалдемократам.

Митинги на станции в это время происходили ночью в 2—3 часа (видимо, в связи с прибытием служебных поездов). На железнодорожных митингах от нашего комитета выступал В. Соловьев.

На 4—5-й день забастовки мы получили уведомление о созываемом в Рузаевке узловом железнодорожном съезде, на котором должны были быть разрешены вопросы, связанные с забастовкой. Немедленно был снаряжен служебный поезд, в котором выехала делегация в составе трех человек (от комитета «Младенец Старший», от забастовочного комитета упомянутый инженер и станционный телеграфист).

Делегация выехала с большой помпой, провожаемая различными пожеланиями железнодорожников, но уверенного, бодрого настроения у нее не было. Недружно начавшаяся забастовка обещала много сюрпризов, и самый съезд во время забастовки вызвал сомнение в успехе.

Поздно вечером, подъехав к предпоследней станции перед Инзой, делегация с удивлением услышала паровозный гудок и шум подходящего встречного поезда. Вскоре в вагон делегации вбежали бледные кондуктора и торопясь сообщили, что забастовка сорвана, что из Москвы идет карательный поезд Меллер-Закомельского, который расстреливает бастующих рабочих по особым спискам.

Сообщение это было не из приятных, и нужно было подобру-поздорову улетучиться. Уже без помпы делегация пересела в качестве простых пассажиров во встречный поезд и возвратилась в Симбирск.

Так кончилась в Симбирске декабрьская забастовка, обострившая еще более отношения между партиями.

Либералы, имея значительное влияние у интеллигенции, среди трудящихся слоев города большим авторитетом не пользовались, и мы не считали их опасными противниками.

Другое дело были эсеры. Их аграрная программа с широкими обещаниями «социализации» была заманчивой не только для крестьян, но и для рабочих и городского люда. Наши требования возвращения крестьянам отрезков помещичьих земель не могли конкурировать с многообещающими требованиями эсеров. Правда, III съезд партии в интересах победы революции одобрил захват крестьянами всей помещичьей земли, но тогда мы считали это крайним максимумом и, пока не столкнулись с крестьянством, в своей агитации больше придерживались критики эсеровской программы, чем пропаганды своих положений по аграрному вопросу. Следует сознаться, что вообще аграрный вопрос был для нас самым слабым местом, и эсеры вначале нередко на нем нас бивали. Что касается рабочей программы, то здесь мы компенсировали себя в полной мере. Наша ставка на рабочих с самого начала революционной борьбы целиком себя оправдала, и рабочие, даже служащие, города шли в массе за нашей организацией, а не за эсерами.

Вскоре однако нами хорошо было усвоено изменение, внесенное в аграрную программу III съездом. Хотя захват крестьянами всей помещичьей земли казался нам вначале до некоторой степени возвращением к натуральному хозяйству, но столкнувшись с крестьянами поближе, мы очень быстро поняли, какая могучая сила заключалась в этом лозунге и как легко было теперь найти путь к сердцу крестьянина.

С момента усвоения новой аграрной программы наша организация смело выступила на борьбу с эсерами и в деревне. Эта борьба дала чрезвычайно положительные результаты. Я помню большую нашу схватку с «серыми» на митинге в селе Нагаткино, когда со стороны их выступали Петров и девушка Гальперина, а с нашей — «Младенец Старший» и студент Охотин. Несмотря на то, что в этом селе раньше у нас связей не было, а эсеры работали там несколько месяцев, все же была принята наша резолюция. Кичась знанием крестьянства, эсеры не могли прочно закрепить среди крестьян своего влияния и давали нам возможность легко выбивать их с занятых позиций. Самые методы работы были также различны.

Если симбирские эсеры, по примеру саратовских, допускали переодевания в офицерские мундиры и иногда разъезжали по деревням на тройках в форменных фуражках (ветеринарный

врач Родионов), то мы, наоборот, посылали в деревню наиболее скромную публику, снабженную лишь парой ног и несколькими гривенниками на продовольствие.

Я помню один из таких случаев, когда Евгений Парфенов, командированный комитетом на крестьянскую работу, получил на дорогу от казначея 1 рубль 60 копеек и, побывав во многих деревнях, возвратился через три недели в Симбирск, сдав казначею оставшиеся у него не израсходованные 40 копеек. Оказывается, Евгений так пришелся по душе крестьянам, что они нарасхват тянули его к себе обедать и перевозили от деревни до деревни, категорически отказываясь от какого-либо вознаграждения.

Связь с деревней и начавшиеся крестьянские съезды потребовали большого технического и финансового напряжения. Гектограф, мимеограф и работа со шрифтом на зеркале уже не могли удовлетворить предъявляемых требований. Организация серьезно думала обзавестись «бостонкой». Собрав с великим трудом 220 рублей, послала их в петербургский комитет, где, по слухам, имелась возможность по поддельным документам получить типографские машины.

Средства для работы попрежнему приходилось добывать самыми разнообразными способами. «Доили» либералов, приехавшую на гастроли труппу Яворской, обирали друг друга и пр., но всего этого было мало.

Однажды я как казначей пытался даже уговорить Дмитрия Ильича Ульянова отдать нам для розыгрыша двухстволку Ильича, но он вместо ружья дал мне фотографию Владимира Ильича, которую мы размножили и распространяли на митингах.

Самым большим и самым неудачным нашим в коммерческом отношении предприятием была книжная торговля. Получив представительство от различных издательств («Колокол», «Донская речь», «Молот», «Буревестник» и др.), мы построили за 200 рублей на бульваре Саратовской улицы великолепный киоск и посадили в него т. Спирина.

Надежды наши не оправдались, и киоск почти с самого начала давал нам убыток, так как стоял хотя и на центральном месте, но в стороне от оживленных рабочих районов города.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ

С конца 1905 года в Симбирске началась лихорадочная работа по организации профессиональных союзов. Первым был организован союз пекарей. Вторым создавался союз типографов.

Вслед за этими союзами организовались союз портных, домашней прислуги, металлистов, строительных рабочих, столяров и приказчиков.

Все уставы и инструкции для профсоюзов вырабатывались исключительно в нашем комитете. Для этого симбирский комитет выделил наиболее сильных работников, чем немало способствовал росту влияния партии на массу. Эсеры совсем не занимались вопросом о союзах, и в результате мы отбили у них даже и столяров.

Профессиональные союзы были делом совершенно новым, их организация требовала громадных усилий, а мы в своем профессиональном строительстве шли буквально ощупью, спотыкаясь. Созвать рабочее собрание было нелегко. За несколько дней нужно было уведомить полицию о собрании, найти помещение, своевременно известить разбросанных по мелким мастерским рабочих, выработать устав и т. д. и т. п. Но и с принятым уставом немало было хлопот. Забитые и запуганные рабочие не всегда пойдут хлопотать к губернатору об утверждении устава, без чего союз не может быть организован. Нужно, следовательно, комитетскому организатору идти самому к губернатору, пригласив с собой 1—2 рабочих.

Симбирский губернатор Яшвиль, либерал по тому времени, довольно любезно называл нас «братцами» и довольно быстро соглашался утвердить устав, предупреждая лишь не заниматься политикой. Хуже обстояло дело с его секретарем, который часами читал нам всякую мораль и ругал нас почем зря за наше якобы желание «разорить Россию». Так мы организовали союз за союзом.

Работа по организации первых профсоюзов увеличила нагрузку нашего комитета, но она же помогла ему крепко связаться с рабочими. Теперь базой организации стала настоящая рабочая масса, а не случайные люди.

Большого труда стоило приучить рабочих в союзах к политическим вопросам.

Однако митинги, листовки и газеты быстро расшевелили профсоюзы и мы вскоре отбирали в них десятки и сотни лучших рабочих в кружки, а потом и для партийной работы. В результате нашей усиленной деятельности профсоюзы, считаясь беспартийными, фактически шли в ногу с нашей организацией, поддерживая ее во всех случаях.

НАСТОЯЩАЯ ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Зимой 1905/1906 года, перед симбирской ярмаркой, мы получили от петербургского комитета извещение о посылке «бостонки» (типографской машины) и дубликат на нее. Нашей радости не было пределов, так как работа на кустарных станках при громадном спросе на литературу была чрезвычайно трудна, и наши техники—Леночка Кислицына и Тарсанов—буквально высыхали от бессонницы и голодовок.

Юрий Кролюницкий и я взяли на себя получение бостонки с железной дороги. Нарядившись в енотовую шубу купца Чебоксарова, Юрий отправился на вокзал. Здесь при получении бостонки произошел маленький курьез. Весившая около двадцати пудов бостонка проломила бок толстого ящика, в котором она находилась, и когда присутствовавший в пакгаузе железной дороги жандарм заметил это, то спросил у Юрия—не швейная ли это машина в ящике и не следует ли его степенству составить акт о порче груза. Юрий успокоил внимательного жандарма и мы вывезли бостонку на заранее приготовленную квартиру.

«Сибиряк» и «Сибирячка» сняли маленький особняк, обставили его вновь купленной мебелью и обзавелись «прислугой» Полей. Самую работу вели «Макс», Манечка Яковлева и гимназистка Нюша Богоявленская.

Но счастье не было продолжительным. Однажды Поля, не закрыв дверей, побежала в лавку напротив, а в это время в квартиру явился полицейский для получения какой-то справки. Возвратившаяся Поля застала его в комнате, где стояла бостонка, удивленно рассматривающим невиданную им обстановку.

Если бы «фараон» был умнее и опытнее, то мы без сомнения провалили бы и типографию и работников, а может быть и всю организацию, но на наше счастье городской ничего не сообразил, а ночью типография была уже вывезена в другое

помещение, запачканные типографской краской столы и табуретки были сожжены, а владельцы квартиры вместе с прислугой «пропали без вести».

БОЙКОТ ДУМЫ

Приближались выборы в первую Государственную думу, назначенные правительством на 11 декабря 1905 года. В симбирской организации к выборам было резко отрицательное отношение.

За 2—3 месяца до выборов в Симбирске впервые появился некто Аладьин, сыгравший впоследствии крупную роль организатора фракции трудовиков в первой Государственной думе. Аладьин приехал из Парижа и выдавал себя за ученика Э. Реклю. Нам было известно, что Аладьин — бывший казанский студент, социалдемократ, эмигрировавший некоторое время тому назад во Францию. Мы с любопытством рассматривали эту заморскую «штучку» и ждали, чем она себя проявит.

Аладьин оказался типичным парламентским деятелем европейского типа. Ему нужно было во что бы то ни стало пройти в Думу и он принял все меры к этому.

Через 2—3 недели он был своим человеком как у правых, так и у «левых». наших зубров-помещиков он подкупал тем, что на их лошадях объезжал волнующиеся деревни, успокаивая крестьян обещанием крупных реформ через Думу, и таким образом, прикрываясь маской революционера, спасал помещичьи животы. К эсерам он пошел как социалист. Только у нашей организации он не пользовался никаким доверием и считался политическим авантюристом.

Приспосабливаясь к различным политическим группировкам, Аладьин искусно жонглировал политической терминологией. Я вспоминаю одно выступление Аладьина на закрытом заседании в здании земства, когда он старался доказать собравшимся необходимость выборов в Государственную думу. Это выступление было построено настолько искусно, что неискушенные слушатели различных политических направлений начинали считать Аладьина своим.

Бойкот первой Государственной думы обострил наши отношения с либералами и способствовал Аладьину попасть в первую Думу от Симбирской губернии.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА

В период разгона первой Государственной думы 8 июля 1906 года у нас шла большая организационная работа по укреплению влияния в профсоюзах, по подготовке пропагандистов в кружке высшего типа и по обучению политграмоте рабочих, которых насчитывалось в кружках свыше 200 человек. Кроме того у нас была уже полулегальная библиотека и при ней читальный зал.

Коллегии пропагандистов комитет придавал большое значение и отбирал для этой работы наиболее сильных в теоретическом отношении товарищей. В коллегию входили: Кролюницкий, Винокуров («Пьер»), «Младенец» (Орлов), Георгиевский («Шурочка»), Рождественский и др. Кроме коллегии пропагандистов при комитете существовала аграрная группа в составе: П. Винокурова, Рождественского, Охотина и др. Представители группы разъезжали по деревням, участвовали в крестьянских совещаниях и вели работу среди крестьян.

Попытки наладить работу среди крестьян делал еще летом в 1905 году т. Черномордик. В июле этого года он посетил село Нагаткино и выступал там с агитацией против войны, за захват земли и за созыв Учредительного собрания. Крестьяне очень одобряли земельный захват, но о войне некоторые из них высказывались так, что-де это не мужицкое дело, а дело начальства. Все же Черномордику удалось убедить мужиков и принять резолюцию не только о земле, но и о войне и об Учредительном собрании. С этой резолюцией-петицией местный крестьянин, кажется, Нагаткин, по постановлению общества отправился в Петербург, но по дороге был арестован.

Кроме того Черномордик по собственной инициативе предпринял ряд мероприятий по созыву поволжской социалдемократической конференции крестьянских работников. Получив от доктора Чебоксарова 100 рублей, Черномордик объехал Самару, Саратов, Казань и Нижний Новгород и везде встретил весьма сочувственное отношение к своей идее. Если мне не изменяет память, в Самаре Черномордик сговаривался по вопросу о конференции с т. Арцыбушевым, а в Казани с т. Лозовским или с т. Адоратским.

Конференция крестьянских работников социалдемократов

состоялась в сентябре 1905 года в Казани. На ней кроме представителей указанных городов был также представитель из Москвы в лице Шестакова («Никодим») и представитель ЦК партии т. Лалаянц. Черномордик выступал на конференции в качестве представителя нашего комитета.

Наша организационная работа росла с каждым днем.

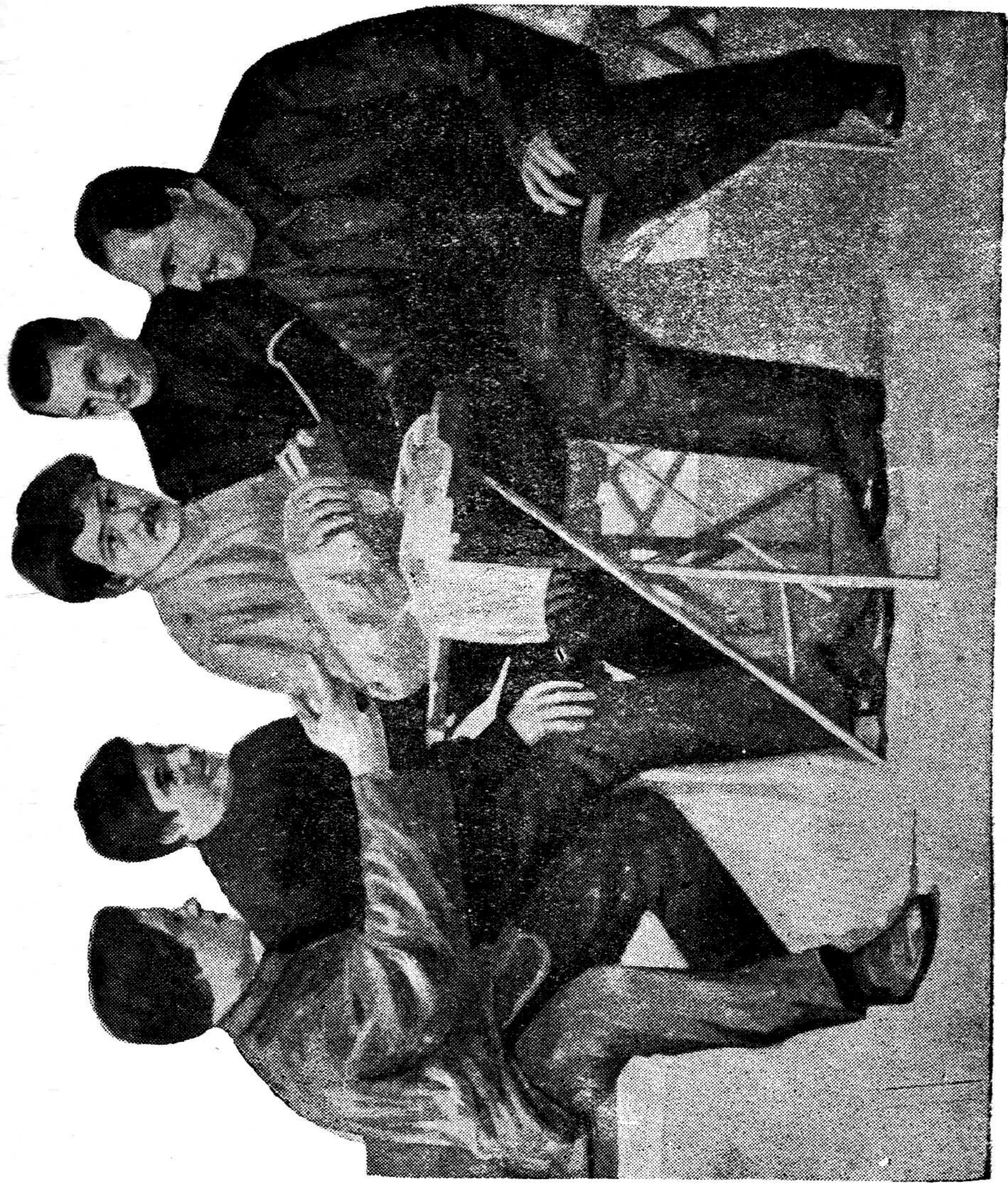
РАБОТА В ГУБЕРНИИ

В 1906 году деятельность нашей организации сосредоточивается преимущественно в губернии. Комитет обратил усиленное внимание на фабрики и заводы губернии. Наиболее тяжелые условия работы были на Екатериновской текстильной фабрике. Рабочий день здесь был неограничен, заработная плата ничтожна, грубость администрации доходила до рукоприкладства.

Сначала мы послали на Екатериновскую фабрику Луку Гвоздева в качестве разведчика. Через неделю Лука принес нам сведения о положении рабочих, а еще через неделю с тюком листовок, в том числе и на местные темы, с пунктами требований он отправился на фабрику. Не имея никаких связей и знакомств, Лука сам разбросал ночью листовки на фабрике и по поселку. Утром завод стал, и рабочие предъявили ряд требований, которые, насколько помнится, были хозяевами удовлетворены полностью.

На фабрике в Ишеевке условия труда были не лучше, но там мы натолкнулись на большое сопротивление со стороны самих рабочих. На этой фабрике пришлых рабочих было очень мало, большинство состояло из местных крестьян. Фабричный заработок был, конечно, большим подспорьем в хозяйстве местных крестьян, а потому они считали фабриканта своим благодетелем и враждовали с иногородними рабочими, требовавшими лучших условий труда. Зная настроение своих полурабов, фабрикант Арацков старался установить с крестьянами добрососедские отношения. Чтобы защитить себя от «крамольников», он объявил крестьянам, что за каждого пойманного на его фабрике или в деревне социалиста он уплатит 25 рублей.

Это не изменило решения комитета связаться с Ишеевкой, для чего туда был послан активный работник нашей организации, рабочий — слесарь Михаил Гимов. Приехав в Ишеевку



Симбирский комитет РСДРП в 1905 году

также без связи и явок, Гимов принужден был действовать совершенно открыто. По окончании работ на фабрике он остановил рабочих у ворот и выступил с речью, разъясняя положение и тактику рабочего класса. К концу собрания со стороны деревни стала приближаться группа крестьян и только благодаря ловкости и смелости Михаила, при поддержке группы пришлых рабочих удалось ему избежать ареста. Влияние нашей большевистской организации на Ишеевскую фабрику было закреплено.

С рабочими суконных фабрик в Языкове, где работало до 1500 человек, у нас были связи с начала революции. Рабочие этих фабрик были более сознательны, и им удалось отвоевать лучшие условия труда, чем на других фабриках губернии. Посещение этой фабрики нашими агитаторами было случайным, и местная фабричная ячейка работала по существу самостоятельно, поддерживая с комитетом лишь письменную связь и получая время от времени новую литературу.

Следует упомянуть о наших попытках устраивать митинги в уездных городах.

Наиболее удобным в отношении сообщения был Сенгилей. Одна из таких поездок кончилась для наших товарищей серьезным провалом. Дело было так. Весной 1906 года, по постановлению комитета, несколько товарищей должны были отправиться для устройства митинга в Сенгилей.

В этот день в Симбирске не предполагалось никакого собрания и потому в Сенгилей выехал почти весь актив комитета (Орлов, Парфенов, Кролюницкий, Георгиевский, Кузьмин и др.).

Предыдущие, удачно проведенные в Сенгилее митинги обещали и на этот раз полный успех. Приехав в Сенгилей, наши товарищи зашли в чайную. Уже здесь они заметили подозрительную группу лиц, из-под пальто которых виднелись синие штаны полицейских. Однако митинг состоялся и имел исключительный успех. Публика сердечно благодарила ораторов, просила приезжать почаще, присылать литературу. Наши товарищи направились к пристани. Не прошло и получаса, как туда же со всех сторон набежали стражники, пристав, городовые и наши ораторы были арестованы.

Узнав об аресте, кто-то из сенгилеевцев ударил в соборный

колокол в набат. Все выскочили из домов, воображая, что вспыхнул пожар, и заполнили площадь перед участком.

Доморощенные ораторы призывали толпу добиться освобождения арестованных, возбуждение росло. Полиция выставила вооруженный заслон вокруг каталажки, угрожая расстрелом, но, видимо, сама не верила в свои силы. Наконец, толпа прорвала цепь, вошла в участок и освободила арестованных.

После этого наши товарищи в сопровождении толпы пошли к берегу Волги, сели в лодку, переехали на другой берег, шли пешком и, измученные до последней крайности, на подводах возвратились домой.

В тот самый день, когда полиция в Сенгилее арестовала наших ораторов, чуть не случилась беда и в Симбирске. Из членов комитета в городе оставался один я. Неожиданно является ко мне член организации эсер «Роза» и тревожно спрашивает: «Нет ли у социалдемократов на Ильинской площади нелегальной типографии?» Этот вопрос, противоречивший всем правилам конспирации, удивил меня. «Роза» рассказала следующее: «По сообщению одного эсера-семинариста к его отцу, дьякону, пришла старуха-домовладелица и спрашивала совета, как ей быть: «В ее доме живут подозрительные люди, которые всю ночь что-то делают», она боится, как бы не взорвался дом.

Наша «техника» действительно находилась на Ильинской площади, рядом с церковью. Нужно было принять самые срочные меры к спасению типографии. Немедленно был разыскан рабочий — типографщик Сидоров, отец которого был извозчиком, наскоро была собрана, вооружена и расставлена по углам квартала боевая дружина, несколько человек развинчивали бостонку, другие упаковывали ее части в ящик.

В это время «техникой» заведывали бывший мелекесский учитель Алексей Агафонов и курсистка Рождественская.

Они довольно конспиративно вели свою работу. Жили под видом мужа и жены. Стены их квартиры были увешаны патристическими картинами, на окнах стояла герань, а в углу торчала икона. «Молодожены» завели знакомство с хозяйкой, заходили друг к другу в гости и вообще вели себя, как полагается, но не предусмотрели только одного: у них не было помоев

и кухонных отбросов (они обедали в другом месте). Этим они вызвали подозрение старухи, которой стали сниться страшные сны с убийствами и грабежами.

В виду явной опасности, угрожавшей «технике», супругов нужно было «развести». Алексей сообщил хозяйке, что его жена решила выехать на один месяц к матери в другой город. Типография была вывезена под видом «багажа» уезжавшей.

Одной подводы для «багажа» оказалось недостаточно. Пришлось нанять еще двух извозчиков. Вскоре наши ребята выволокли упакованный в ящики туалет плачущей супруги Алексея, и поезд тронулся в путь, сопровождаемый издали дружинниками. На одной из улиц у пролетки нанятого извозчика под тяжестью «багажа» сломалась ось, и подоспевшие дружинники должны были перегружать бостонку под ругань извозчика на другую пролетку. Эвакуация в конце концов прошла благополучно, но в новом месте бостонки нам собрать уже не удалось.

РЕАКЦИЯ НАСТУПАЕТ

События в Сенгилее и провал типографии были как бы предвестниками начала конца.

Вскоре губернатор Яшвиль был заменен черносотенцем Старынкевичем. Полиция повела себя более решительно. Несколько раз конные городовые пытались окружить митинг на «Венце», но делали это пока еще нерешительно.

Наши пропагандистские кружки продолжали работать по-старому, но уже чувствовалась во всем какая-то неуверенность. Киоск, не оправдавший наших ожиданий, пришлось закрыть и перенести в двор «Младенцев».

Приблизительно в июле 1906 года, в праздничный день, на «Венце» начался митинг, созванный эсерами вопреки постановлению нашего комитета. Дежурных членов нашего комитета на «Венце» не оказалось, и поэтому с самого начала митинг принял хаотический характер. Многие из выступавших ораторов были никому не известны и вообще на митинге не было обычного порядка и дисциплинированности. Так как митинг совпал с арестами и голодовкой аграрников в тюрьме, то ораторы страстно призывали собравшихся устроить демонстративное шествие к тюрьме и требовать освобождения арестованных. Часть собравшихся, около 500 человек, с красными флагами

и революционными песнями двинулась к базарной площади. Окружив тюрьму, демонстранты приветствовали арестованных криками, те в свою очередь отвечали на приветствия битьем стекол и ударами в дверь камер. Было ли это обдуманной провокацией или это вышло случайно, но только со всех сторон к тюрьме стали спешно стягиваться конная и пешая полиция, мясники, торговцы и пр. Вся эта банда налетела на растерявшихся демонстрантов. Разразился первый погром в Симбирске. Демонстрантов били кулаками, палками, нагайками, упавших топтали ногами, конная полиция хватала девушек за косы и волочила по площади и улицам. Так самодержавие реализовало свой манифест о свободах русскому народу, «дарованных» 17 октября 1905 года. Положение резко менялось, вера в немедленную победу революции ослабевала, попутчики уходили в сторону и работа становилась все тяжелее и сложнее. Правда, основные кадры рабочих в нашей организации оставались верными революции, зато сильно редели ряды пропагандистов (в большинстве студенты). Академические занятия, позабытые в месяцы подъема революции, теперь вдруг сильно потянули учащуюся молодежь в университеты.

ПРОВАЛ КОМИТЕТА

Наступил сентябрь 1906 года.

В середине этого месяца секретарь нашего комитета, Юлия Чарочникова, уезжая в Москву, принесла весь архив комитета с расшифрованными явками, паролями, чистыми паспортными бланками и печатью комитета. Всю эту связку один из «Младенцев» понес в конспирацию. Встретившись в сенях с пришедшим рабочим, бросил связку в детской комнате, намереваясь вскоре отнести ее куда следует, но забыл. В это время в Симбирске полицией и жандармами готовились повальные обыски, вызванные угрозой эсеров убить губернатора и посылкой ему савана. Не зная о таком событии, мы своевременно не приняли мер предосторожности и были застигнуты врасплох.

На рассвете дюжины две городских во главе с приставом 3-й части Красовым и старшим городским Ивановым окружили нашу штабквартиру — дом Орлова.

«Младенца Младшего» дома не было и к ним в лапы

попался я. Конспирация и здесь спасла нас. Утомленные фараоны после двухчасового безрезультатного обыска дома и сада собирались кончать свою работу, как вдруг Красов совершенно случайно наткнулся среди детских игрушек на связку комитетского архива, предававшую в руки полиции не только симбирскую, но и десятки организаций других городов, в том числе и ЦК, так как явки, пароли и адреса были химически проявлены и расшифрованы.

Критическое положение заставило меня напрячь все силы, чтобы спасти положение. Воспользовавшись тем, что Красов и его помощник занялись в детской чтением документов, смакуя каждый листочек в отдельности, я с шутками прошел мимо отдыхающих в столовой, кухне и во дворе городских, сообщил им об окончании безрезультатного обыска и, зайдя за угол дома, перелез через забор, пробежал через соседний сад, лесной двор и Театральную площадь и в пять часов утра был в доме Винокурова на В.-Солдатской улице.

Поздно спохватившаяся полиция бросилась на поиски бежавшего, вызвала из полицейского управления и частей весь актив и объявила жителям соседних садов в расчете на их помощь о бегстве «важного преступника, укравшего крупную сумму денег». Но все было бесполезно — преступник сидел в это время на заседании срочно созванного комитета и докладывал о результатах обыска.

Только к ночи полиция ушла из дома «Младенцев», оставив засаду из нескольких городских как в доме, так и в переулке.

Мы теперь тоже приняли надлежащие меры. Прежде всего у Введенского переулкa был поставлен пикет, сообщающий товарищам о провале.

На срочно созванном заседании комитета был выработан текст телеграмм, оповещающих о провале комитета и об опасностях, грозящих явкам. Это извещение мы послали во все города, явки которых провалились. У нас не было ни одного адреса из саратовской организации, куда мы не смогли послать телеграмму и что повело, как мы потом узнали, к провалу в Саратове явочной квартиры и к потере десятков пудов полулегальной литературы.

С посылкой предупреждения в ЦК вышла тоже заминка. Адреса товарищей, близко стоящих к ЦК, у нас не было и

мы принуждены были послать на случайный адрес одного студента социалдемократа телеграмму такого содержания:

«Симбирские опасно заболели» с подписью: «Явкицек», т. е. в Симбирске провалились явки ЦК. Адресат, получивший эту телеграмму, долго вспоминал фамилию своего знакомого Явкицека, приславшего эту телеграмму о болезни, и уже собирался отнести обратно телеграмму на телеграф, как ошибочно засланную, но вдруг понял в чем дело и, бросив лекции, побежал спасать явочную квартиру, у которой как он потом говорил, дежурили уже несколько подозрительных людей.

На собрании нашего актива выяснилось, что обыск был произведен у многих работников, в том числе и у Кролюницкого. Как «Младенцам», так и Кролюницкому после провала архива оставаться в Симбирске, конечно, было нельзя. Сдав дела вновь назначенному комитету, в который, насколько я помню, вошли: Петр Винокуров, Кузьмин (кличка «Генерал»), Гимов, один из Миртовых и др.—«Младенцы» и Кролюницкий с «липами» (фальшивые паспорта) в карманах 20 сентября проехали ночью на лошадях до Шиловки и, сев там на пароход, направились через Нижний в Москву.

На другой день после нашего отъезда эсерам удалось осуществить свой план. 21 сентября 1906 года удачно брошенной студентом Зефириным бомбой симбирский помпадур Старынкевич был убит. Сам Зефирин успел скрыться от полиции и сел на тот же пароход, на котором уезжали и мы.

Провал нанес сильнейший удар нашей организации, но она не погибла.

На V съезд партии, где должны были быть разрешены кардинальные вопросы текущего момента нашей тактики, а также вопрос об участии в выборах во вторую Государственную думу, мы послали представителем от симбирской организации Н. П. Брюханова.

Возвратившись с V съезда партии, Н. П. Брюханов сделал доклад о работе съезда и некоторое время продолжал принимать участие в работе комитета.

Выборы во вторую Государственную думу дали от Симбирска двух социалдемократов, примкнувших в Думе к фракции большевиков (Кузнецов, Татаринов).

В 1907 году наша организация в Симбирске начинает издавать газету «Наши дни». Редакция состояла из П. Винокурова, Кирьянова (кличка «Усы») и Брюхановой.

Газета «Наши дни» была еженедельным органом, и поэтому для текущей работы комитет вновь организует свою небольшую типографию, которая, просуществовав несколько месяцев, провалилась вместе с работавшим там т. Антоновым.

30 апреля 1907 года полиция арестовала собрание учащихся, обсуждавших вопрос о праздновании первого мая. С этого времени перестает существовать и эта организация.

Учащаяся молодежь, в значительной своей части ушла от революции, занялась философией, «сменой вех».

Начавшиеся репрессии, отзвуки надвигающейся беспощадной реакции, смяли в Симбирске остатки нашей и эсеровской организаций. Закрылась газета, погибла гордость нашей организации — бостонка, выброшенная в овраг около колосовской бани. Тюрьма переполнилась арестованными, и начались бесконечные суды, высылки, каторга и расстрелы.

Тюрьма и виселица поглотили в Симбирске сотни революционеров, но их воля к борьбе не была сломлена. «Генеральная репетиция» 1905 года помогла российскому пролетариату свергнуть самодержавие в феврале и совершить пролетарскую революцию в Октябре 1917 года.